

ПОИСК ИСТИНЫ

СОТВОРЕНИЕ КАЗАХСКОГО ЧУДА

В поисках национальной идеи

Смысл идиом «скелеты в шкафу» и «тараканы в голове» понятен почти всем. Порадоваться бы за людей (все-таки, признак интеллекта), но почему-то такая «грамота» не радуется. В начале XX века один пронзительный ум отметил: «Почти все люди живут в тихом отчаянии», в конце столетия другой уточнил: «Все люди живут в тихом отчаянии». С нами определенно что-то происходит. Подтверждением тому – эти «скелеты» и «тараканы». У казахов они тоже есть: одним миром мазаны. Но у них имеются еще свои, эксклюзивные «тараканы», которых нет и быть не может у людей других наций. Возможно, «тараканы» и мешают нам отыскать национальную идею?

«Находки» типа «Стратегия «Казахстан-2030», «Саф Сана», «Инновационная индустриализация» и т.д. – лишь бледные тени предмета поиска. Другие «находки», соответствуя ей по форме, не отвечают по сути: «Национальной идеей ... должно стать вхождение Казахстана в ряды демократических и развитых стран мира» (О.Сабден); «Казахский народ, являясь доминирующим этносом по численности в стране, должен занять соответствующее место во всех сферах жизнедеятельности общества» (С.Малеев, А.Нысанбаев); «Не забывая истоки, мы вместе строим сильный, процветающий и демократический Казахстан во благо каждого казахстанца» (М.Ашимбаев, А.Косиченко и др.).

Эдельвейс среди идей

Как известно, нацидею нельзя придумать, создать по «заказу» или найти. Она возникает спонтанно в нужном месте и в нужное время, материализуясь как будто из ничего и появляясь ниоткуда. Ею могут стать проникновенные слова песни, яркий лозунг или точная фраза. Одно бесспорно: она до поры до времени таится в головах людей, ожидая своего часа, никак не проявляя себя. Но когда кому-то посчастливится ее вербализовать, она нуминозно овладевает людьми, воодушевляя их совершать невозможное и переносить непереносимое. Можно ли нечто подобное сказать о вышеприведенных примерах? Боюсь, что нет. И на то есть свои причины.

Во-первых, подлинная национальная идея не может произрасти в атмосфере лжи, лицемерия, пустых разговоров, несправедливости – всего, что унижает достоинство человека, разбивает ему сердце и калечит душу. А этого всего в Казахстане, что называется, выше крыши. Конечно, привычней и проще все списать на власть. Не оправдывая ее («Черного кобеля не отмоешь добела»), отметим, что более 93-х процентов «государевых людей» казахи! Казахи гнобят казахов. Во-вторых, присутствуют объективно-исторические факторы: полиэтничность населения, разные верования, негативное влияние глобализации, далеко не лучшая структура экономики и, как следствие, неравномерное развитие регионов; неблагоприятная экология, как часть планетарной экологии; Казахстан, как сфера интересов супердержав-соперниц (РФ, КНР, США). В-третьих, есть момент, о котором все пишут, но только не в связи с поиском нацидеи. И, кажется, зря. Его роднит с ней одно важное свойство: им обладают почти все казахи. О чем может идти речь?

Преодоление комплекса

Вначале «дадим» слово не последним из казахов. Б. Абдыгалиев, А. Ахмеджанов: «Среди казахов распространено... «невротическое сознание», национальное самобичевание, самоунижение... Из-за недостатка позитивных стимулов выработался... комплекс неполноценности...» («Свобода Слова» от 21.02.2008 г.). Н. Амрекулов: «Есть что-то такое в нас (что? – М.Б.) ... что все же принижает нас, давит комплексом неполноценности» («Общественное мнение» от 26.03.2009 г.).

Д. Ашимбаев: «Такое ощущение, что понты и комплекс неполноценности являются движущей силой национальной эволюции» («Время» от 15.04.2010 г.).

Безусловно, не все казахи согласятся с такими высказываниями. Кто-то об этом никогда не задумывался, у кого-то этот комплекс «спрятан» глубоко в бессознательном. Вот как о «темной стороне души» отзывается К. Юнг: «Несомненно, мы узнали нечто истинное, которому ... наша гордость, наше культурное сознание говорят «нет», но что-то в нас говорит «да». Для многих в этом заключено нечто раздражающее и побуждающее к противоречию, для других – нечто вызывающее страх, и поэтому люди не хотят этого признавать. Действительно, есть что-то страшное в том, что у человека существует также некая теневая сторона, которая состоит из какой-то прямо-таки демонической динамики». Если в этой цитате идею бессознательного заменить идеей комплекса неполноценности, то она не потеряет смысла. А это доказывает, что комплекс неполноценности, как и бессознательное, может не осознаваться, но, тем не менее, существовать.

Как уже отмечено, национальная идея возникает спонтанно в переломные моменты истории. Помните? – «Вставай, страна огромная, / Вставай на смертный бой» (СССР, 1941 г.) или «Родина или смерть!» (Куба, 1959 г.). Не исключено ее появление, когда стране, наоборот, надо возродиться из пепла. «Мы проиграли войну, но мы должны выиграть в мирной жизни. Мы проиграли на военном фронте, но мы должны выиграть на экономическом» (Япония, 1945 г.).

Хвала небесам, Казахстану подобное не грозит. Но кто скажет, что у нас «все хорошо, прекрасная маркиза»? Иногда подземный лесной пожар может оказаться во сто крат опасней видимого. «Не все благополучно в Датском королевстве», хотя богатства недр, «громасье» территории, малочисленность населения потенциально должны трансформироваться в нечто противоположное. Остается предположить: проблема гнездится в человеческом материале, о чем мы стараемся помалкивать или тупо отрицать. Это загоняет ее еще глубже в подсознание и вынуждает действовать «тихой сапой» или «как слон в посудной лавке», и даже «как загнанный в угол зверь», и в основном с девиантно-деструктивным результатом в итоге, что списывается на «неудачное стечение обстоятельств», «неблагоприятное окружение» и даже на то, что «звезды не так встали».

Как известно, человек растет, когда копит позитив (например, знания, опыт, навыки) или избавляется от негатива (положим, лени, равнодушия, догм). А если негативом (о позитиве – в другой раз) обладают почти все представители народа (и тогда это называют национальной особенностью или чертой), то может ли избавление от недостатков «потянуть» на полноценную национальную идею?

Уникальность казахов:

от Авеля к Каину

Амрекулов пишет, что «Причина нашего чувства неполноценности кроется в кочевой цивилизации и культуре – как таковой. Именно она была заклеена миром западной цивилизации как варварство и дикость». Подлинное (а номадство было безальтернативно подлинным способом существования на просторах Евразии) не может быть постыдным и низким, чтобы от этого страдать и переживать. Более диалектична и объективна позиция Масанова: «Номадство – божья кара и божья благодать». Дело не в «кочевой цивилизации и культуре – как таковой». Дело в нас самих: современные казахи до сих пор не могут «приспособить» кочевую в своем основании психологию (по научным данным, категорию весьма инертную) к насильно и по историческим меркам одномоментно навязанному им оседлому образу жизни. Как известно, проблемы с кочевничеством у казахов начались после реформы 1861 года, когда в Сибирь и Казахстан начали переселять безземельных крестьян из европейской части России. А окончательно «усадила на землю» вчерашних номадов в 20-х годах прошлого века советская власть. Слишком мало времени прошло с тех пор. А поскольку психология казахов формировалась тысячелетиями кочевой жизни, то для ее заметной трансформации понадобится еще не один век. Что значат для нашей ментальности 90 лет оседлости? Ровным счетом ничего. А вот реальные последствия оказались трагическими, обернувшись голодом и гибелью почти половины населения, колоссальными материальными потерями.

Но политика насильственного оседания скотоводов-кочевников, помимо темной стороны, имела и светлую. Когда ура-патриоты называют казахский народ уникальным, то их устами глаголет истина, но аргументируют они свои заключения неубедительно и легковесно. А уникальность казахов заключается в том, что мы единственный народ, который был вероломно отлучен от пути Авеля и насильно превращен в последователей Каина, и который, тем не менее, не исчез с лица земли, не рассыпался по

свету, сохранил свою идентичность. Судьбы других народов (вспомним индейцев Америки, аборигенов Австралии или некоторые народы крайнего севера России), которых постигла подобная участь, сложилась куда драматичней и печальней.

О жизни и душе

Мы тысячами нитей связаны со своими предками-номадами. «Сохранились некие реминисценции, воспоминания о прошлом, тенденции виртуального возврата к прошлому. Но самое главное – сохранилась традиционная культура. Вроде бы произошло оседание, но в ментальности сохранились переживания традиций кочевого образа жизни», – писал Нурбулат Масанов. Поэтому наши достоинства и недостатки – лишь продолжение привычек и черт характера предков-кочевников.

Многие казахи считают себя нацией ленивых. Откуда это в нас? Да все оттуда, из кочевого прошлого. Ведь только непосвященному кочевое скотоводство кажется неким динамичным преодолением бесконечности пространства и относительности времени. В действительности же это однообразно-монотонный труд всей жизни. Если бы скотовод-кочевник с утра до вечера был бы неизменно активен, напряжен и энергичен, и так всегда, то его надолго бы не хватило.

Как обычно поступал наш предок? Он осматривал все окрест: нет ли чего подозрительного. Затем изредка объезжал табун или обходил стадо, чтобы отпугнуть непрошеного зверя или пресечь намерения барымтачей. В остальное же время он, смежив глаза и притупив слух, подремывал в юрте или в тени дерева. Зачем понапрасну растрчивать жизненные силы и душевную энергию? Они пригодятся для приумножения скота, воспитания наследников, исполнения земного долга перед людьми и небесного – перед Богом. Таким образом, управляемая бездеятельность, контролируемое умение «отключаться» от реальной действительности, скорее, были достоинством и необходимостью, нежели недостатком. Жизнь изменились – привычка осталась, превратившись в свою противоположность. И тут уже не важно, кто ты по профессии или положению. Важно другое – «вышли мы все из народа...».

Также замечено: чем сложнее в научно-техническом отношении сфера деятельности, тем меньше там казахов. Что это: случайность, лукавая статистика, оговор? Да нет! Это закономерность, которая тянется из кочевого прошлого в оседлое настоящее. Номаду не было нужды быть «тонким» профессионалом и рафинированным интеллектуалом. Способ хозяйствования, образ жизни, орудия труда, домашняя утварь были до предела упрощены и традиционны. Кочевник обладал только тем, без чего невозможно было обойтись. Поэтому для освоения премудростей кочевой жизни не требовалось «семи пядей во лбу». Нужны были иные качества – сила, терпение, выносливость и т.д. Много ли надо знать, чтобы разобрать юрту в одном месте, навьючить ее на животное, а затем собрать в другом? Достаточно было пару раз принять в этом участие, чтобы появился навык на всю жизнь.

Мубарак БАЛТАБАЕВ

Продолжение в следующем номере